

Важным аргументом здесь может быть и то, что, как я показал в предыдущих главах, ВГШ без особого труда и без постоянной помощи читал тосы, написанные за сто лет до того. То есть утверждение Дефренсиса, что тосы нельзя прочесть, не зная заранее, что там изображено (точнее, не прочитав вначале объяснение Шаргородского, Йохельсона или Кремера), не выдерживает критики. Эксперимент с чтением и комментированием тосов, поставленный нами в 1987 году, опровергает это мнение: ВГШ сумел прочесть новые для него тосы, *потому что знал язык тосов*.

4.3. Понятны ли юкагирские тосы?

В заключение этой главы хотелось бы обратиться к одному вопросу, относительно которого у специалистов, кажется, нет расхождений — а между тем мне он не представляется таким простым.

Гаррик Мэллери еще в 1894 году писал: «Пиктограммы американских индейцев очень редко криптографичны: они нарисованы так, чтобы быть понятными без ключа» [Mallery 1894: 201]. С тех пор это утверждение повторяется в разных вариантах, кочуя из книги в книгу: рисуночное письмо *понятно* независимо от родного языка читателя; пиктографические знаки можно *воспринимать непосредственно*. Повторю цитату из Эрнста Пулгрема: «...сообщение, написанное рисуночным письмом, может понять человек, чей родной язык отличается от языка написавшего. <...> Это неверно для других, не рисуночных систем. В них каждая графема привязана к конкретной языковой единице конкретного языка, и чтение сообщения предполагает способность прочесть его на языке писавшего» [Pulgram 1976: 11].

Собственно, именно на этой идее строится разграничение семасиографии и логографии: рисунки передают значения, которые «и так понятны», иероглифы передают слова конкретного языка, которые непонятны, если читающий не знает языка пишущего.

Однако так ли это?

Этот знак (элемент рисунка) взят из одного из рассмотренных в этой книге тосов (№ 9), опубликованного Йохельсоном вначале в 1898 году, затем в 1910-м. Сомнений в его «аутентичности» не может быть. Что означает этот знак? Так ли уж он «самоочевиден» или его самоочевидность объясняется контекстом его использования и нашим знанием?

Чуть более широкий контекст этого знака, возможно, даст читателю ключ — тот самый ключ, который, по мнению Мэллери, здесь не нужен. Да, это река, на ней лодка с двумя гребцами, один из которых, возможно, женщина, — но смогли ли бы мы «прочитать» этот знак, если бы он попался нам отдельно и если бы нам заранее не объяснили, что он означает?

Наверное, любой человек, наделенный воображением, сможет увидеть в этом рисунке два рукава реки и островок (если не увидит чего-то другого), но вряд ли любой человек без специального объяснения сможет «прочитать» эти тройки косых линий. Только пояснение «переводчика», знакомого с этим «рисуночным языком», помогает понять, что это показано *направление течения реки*.

Последний пример: способен ли человек, никогда не видевший тосов, «прочитать» этот знак как *покинутый дом или дом, который вскоре будет покинут*? Я убежден, что нет, не способен.

С другой стороны, в символике тосов есть знаки, которые действительно более или менее понятны любому: это изображение животных, утвари и прочего — в том случае, конечно, если читающему знакомы эти животные и эта утварь.

Помнится, три первых изображения на этом фрагменте не вызвали у меня сомнений, а вот четвертое я прочитал как «мед-

ведь», хотя на самом деле это «сова». Но для того, кто никогда не видел лося, не может ли первый знак читаться как «олень»?

В работах психологов по восприятию рисунков разными группами населения давно признано, что такое восприятие обусловлено обучением. Ян Дереговски, известный исследователь психологии восприятия, долгое время работавший в Африке, пишет: «Неспособность понять, что путаница линий и теней на плоской поверхности описывает какие-то аспекты реального мира, создает настолько фундаментальную преграду на пути восприятия рисунка, что до дальнейших сложностей может просто не дойти очередь» [Deregowski 1973: 164]. Ему вторит уже цитированный Дефренсис: «Ясно, что, чтобы увидеть в мелком, двухмерном, черно-белом рисунке многомерные, разнообразные по материалу и размеру, многоцветные предметы, знакомые нам в окружающем нас физическом мире, требуется некоторый навык, который большинство из нас осваивает так рано, что мы уже и не помним, каких трудов это стоило» [DeFrancis 1989: 45]. Совершенно так же рассуждал А. Р. Лурия, основываясь на результатах своих знаменитых экспериментов 1930-х годов с восприятием рисунков неграмотными узбекскими крестьянами [Лурия 1982: 47–69]. Из более новых исследований можно сослаться на статью [Zender, Cassedy 2014], в которой приведены результаты опытов по восприятию 54 универсальных современных медицинских «иконок» в сельских районах Танзании и в США; большинство иконок оказались совершенно непонятными в другой культуре.

Иными словами, «язык» берестяных юкагирских писем совершенно не обязательно будет понятен тем, кто не освоил «правила чтения». Да, якуту, нашедшему тос в развилке дерева, необязательно говорить по-юкагирски, чтобы понять, что там написано, — но он обязательно должен знать *язык тосов*. Система знаков, используемая в тосах, — это пусть простой, но самостоятельный код, отнюдь не во всех своих элементах «самоочевидный». И совершенно прав Дефренсис, говоря, что содержание юкагирских тосов Шаргородский и Йохельсон узнали только потому, что им объяснили, что именно они означают, в противном случае эти письма навсегда остались бы для

нас непонятными. Однако вывод, который делает из этого Дефренсис: что это не письмо, а род искусства (*should be viewed as an example not of writing but of anecdotic art*), — представляется мне неточным и непоследовательным. Как раз у рисунка все-таки больше шансов быть «самоочевидным», чем у пиктографической записи⁶⁹.

Любопытно, что едва появились логографическая и затем слоговая письменность, как тут же потребовался перевод: уже около 2400 года до н. э. в Шумере существовали *двуязычные* клинописные таблички (обычно передававшие один и тот же текст по-шумерски и по-аккадски) [Cooper 1993]. То есть едва появились первые виды письменности, привязанные к конкретному языку, как знания родного языка и языка клинописных семасиограмм стало недостаточно, хотя на предыдущем этапе развития письма жители Междуречья, чтобы быть грамотными, могли уметь говорить только на одном из двух языков — шумерском или аккадском — и владеть универсальным видом клинописи, не привязанным к конкретному языку.

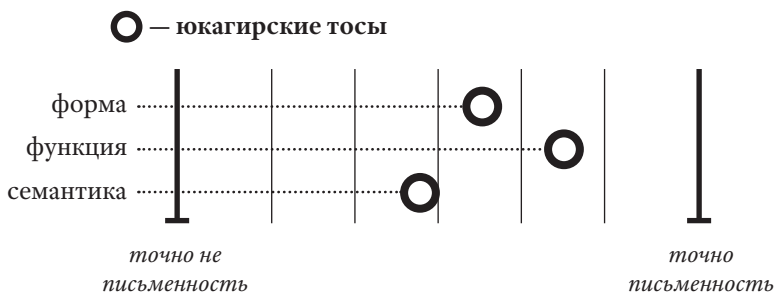
Очевидно также, что чем древнее текст, тем труднее его прочесть, поскольку читающему обычно неизвестен контекст. Применительно к новгородским берестяным грамотам, относительно которых вряд ли кому-то придет в голову сказать, что это «не письменность», А. А. Гиппиус писал: львиная доля информации, необходимой для понимания текста, приходится на долю остающегося за рамками текста фонового знания ситуации. «Не обладающему этим фоновым знанием исследователю как „постороннему“, для которого текст не предназначался, остается лишь реконструировать ситуацию грамоты на основании ее эксплицированных в тексте фрагментов: ситуация берестяной грамоты, как айсберг, возвышается над поверхностью текста лишь своей верхушкой» [Гиппиус 2004: 184]. То же можно сказать и о юкагирских тосах; одним из подтверждений этого может служить проведенная нами выше интерпретация тоса № 39, для которого у нас нет «перевода»: мы можем, пользу-

⁶⁹ Ср. комментарий В. Г. Шалугина: «Тосы... надо было знать» (с. 108).

ясь аналогией с другими тосами, опознать мужские и женские фигуры и до некоторой степени — отношения между ними, однако точный смысл тоса от нас скрыт.

* * *

Подведем итоги. Привативная оппозиция «письменность — не письменность», скорее всего, непродуктивна как описательная модель для столь сложного и разнообразного явления, как системы зрительной коммуникации человека. Речь, скорее, должна идти о нескольких *шкалах*, по которым та или иная система может располагаться ближе к их правому концу («точно письменность») или ближе к левому («точно не письменность»), причем если та или иная система расположена по одной шкале близко к левому концу, это не обязательно означает, что она будет и по другим шкалам располагаться левее. Схематический рисунок ниже иллюстрирует мое понимание того, как с помощью этой модели описываются юкагирские тосы.

Юкагирские тосы не привязаны к конкретному языку: не обязательно знать юкагирский, чтобы прочесть тос. Но знать *язык тосов*, знать значки и правила их сочетания, *уметь писать и читать* тосы необходимо: это отдельный навык, который не приобретается автоматически и которому нужно учиться так же, как мы сегодня учимся читать и писать на нашем родном или на иностранном языке.

Тос № 23.

Письмо на бересте. Якутская область, Колымский округ. 1905.

Из собрания Росийского этнографического музея (Санкт-Петербург).

РЭМ 1068-36